

КОРОЛЕВЫ
ВОИНОВ

БЕРСЕРЖКА

ЗВЕРЬ — В ЕЕ КРОВИ,
МЕСТЬ — В ЕЕ СЕРДЦЕ

НАТАЛЬЯ ПЕТРЕНКО

Наталья Евгеньевна Петренко

Берсерка

Серия «Королева воинов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73981267

Берсерка: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247079-0

Аннотация

Дочь ярла Торвейг всегда знала, что ее судьба – не прялка и тихая жизнь у домашнего очага, а море, сражения и воинская слава. Ведь она – берсерка, непобедимый оборотень, способный в одиночку раскидать десяток вооружённых мужчин. Но однажды клевета подружки Мерет, прекрасной, как сама Фрейя, вынуждает тинг изгнать Торвейг. Обвинённая в братоубийстве, преданная теми, кому доверяла, девушка теряет дом, семью и своё имя.

Теперь её мир – чужой корабль, чужие земли и чужие битвы. Торвейг предстоит пройти через суровые испытания, узнать цену предательства, встретить настоящую любовь и найти в себе силы вернуться, чтобы потребовать ответа.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Наталья Петренко Берсерка

© Петренко Н.Е., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

КОРОЛЕВЫ

ВОИНОВ

НАТАЛЬЯ ПЕТРЕНКО

БЕРСЕРКА

МОСКВА

Глава 1

Богат и славен двор Рагнара Рагнарссона, что стоит на самом краю света в суровом скалистом Рогаланде. Не одну песню сложили скальды о доблести ярла и красоте его жены Гуннхильд. В девичестве она носила броню – но потом стала доброй хозяйкой, как от предков завещано женщине. Военское счастье не покидало Рагнара. Раз за разом он возвращался невредимым из дальних походов в родной Винтерхейм, а с боевого корабля несли сундуки с добычей, вели пленников. На долгих пирах в гостеприимном Рагнарском доме рекой лились пиво и мед, а случайный путник всегда мог найти в Винтерхейме крышу над головой и место у очага.

Сердце Гуннхильд замирало от счастья, стоило ей лишь взглянуть на своего мужа. Одна только Силье-рыбачка, верная подруга, знает, сколько слез пролила дочь Торварда, моля богов послать ей Рагнара в мужья. Силье помнит, как Гуннхильд искала смерти в бою, узнав волю своего отца: пойти за немилым. Даром что Сигват-ярл был много богаче и знатнее Рагнара... А потом из-за моря явилась отчаянная гардская девчонка и поехала с Рагнарсом на остров – биться до смерти. У нее была обида, за которую виру не спрашивают, – убитый брат. Однако норны распорядились по-своему: накануне Рагнар выпил отравленное питье и впервые в жизни проиграл поединок. Когда Гуннхильд примчалась на ост-

ров, ее возлюбленный лежал, залитый собственной кровью, а гардская воительница стояла над ним, опираясь на меч, но смертельного врага почему-то не добивала.

Рагнар две седмицы провел в повязках, находясь между жизнью и смертью. Все это время Гуннхильд сидела у его изголовья, поила отварами, резала на кости целительные руны, время от времени смачивая их своей кровью, горячо молилась светлой Фрейе и грозному Одину. Пусть не забирают Рагнара в небесный чертог, пусть еще подождет Одноглазый, пусть незанятым останется почетное место в Вальгалле... Раз Гуннхильд показалось, что она видит валькирий, явившихся за Рагнаром в самый глухой предрассветный час: три прекрасные белокурые девы стояли у порога, а во дворе били копытами их кони. Дочь Торварда встала над Рагнаром и крепко сжала в руках копье: она была готова биться сейчас хоть со всем Асгардом. Две валькирии взглянули презрительно, а самая младшая усмехнулась и приветливо взмахнула рукой. И растаяли в полумраке, будто и не было их.

И случилось чудо: наутро хёвдинг открыл глаза и заговорил. Его раны очистились, злая отравка покинула тело. А еще через десять дней Рагнар посватался к Гуннхильд. Он заплатил Торварду богатый выкуп, щедро одарил Сигвата и пообещал ему вечную дружбу. Сигват счел за благо не становиться на пути у Рагнара, здраво рассудив, что поддержка могучего вождя ему пригодится. А вскоре женился на Эльвере, младшей сестре Гуннхильд, прекрасной и нежной девушке, чья

душа была чище горного родника.

Теперь Винтерхейм ничуть не уступает владениям Сигват-а-ярла: две сотни воинов садятся за стол Рагнара, многочисленые рабы пасут его скот в горных лощинах, сажают ячмень, ловят рыбу, сбивают масло, куят железо, делают посуду из глины, валят лес, заготавливают торф. Женщины выделывают кожу, ткут, прядут, вяжут, ходят за птицей. Три корабля у Рагнара Рагнарссона, и все – боевые драккары. Как-то Сигват спросил его: почему, мол, ты, Рагнар Рагнарссон, не снарядишь хоть один торговый корабль? «Что с бою взято, то свято, – будто бы ответил прославленный воин. – Милостью Одина, буду ходить в походы, пока рука держит меч. Наше богатство не торговлей прирастает». Или как-то не так сказал, но со скальдами никто не спорил – об этом разговоре потом сложили песню. Полосатые Рагнаровы паруса наводили страх на валландцев и энкландцев, а вот в гардские земли он больше не ходил.

Гуннхильд подарила Рагнару сыновей Виглафа и Вигмарра, похожих, как два гребня одной волны, как две стрелы в колчане. Оба в пятнадцать лет пошли с отцом в свой первый поход и вернулись мужчинами, воинами с обветренными лицами и непреклонным взглядом синих северных глаз. Оба гребли тяжелым веслом, ставили паруса, спина к спине рубились в жарких схватках. Виглаф и Вигмарр не получили в первом походе ни единой раны. И люди стали говорить, что на них перешла часть удачи Рагнара.

А еще у Рагнара была дочь. Родилась она в безлунную ночь, такую морозную, что дыхание стыло, едва сорвавшись с человеческих губ. Волки выходили из леса и заводили свои тоскливые жуткие песни у самого частокола, пугая скот. Госпожа Гуннхильд легко разрешилась от бремени и уже через час приложила малышку к груди. Рагнар совсем не досадовал, что вместо очередного сына родилась девчонка. Были у него Виглаф и Вигмарр, будут еще сыновья...

Повитуха Нанна, древняя, как старуха Хель, посоветовала назвать девочку Торвейг. Такое имя, мол, вполне прилично дочери могучего вождя. Рагнар одобрил, а вот Гуннхильд заколебалась. Да, имя славное и грозное, она сама носила подобное, но... еще не будучи замужем, дочь Торварда слышала про какую-то Торвейг, наемницу, что сражалась вместе с отрядом викингов в Лангобрандии, а потом героически погибла, каким-то образом выручив всех. Рагнар Рагнарссон был в том отряде. И его она тоже спасла.

Гуннхильд смертельно хотелось расспросить супруга о той наемнице, но Силье отсоветовала: добра не будет. А Торвейг и вправду хорошее имя, по-северному твердое. Боги совсем не обещали спутницам викингов легкой жизни, хорошо, если и нрав будет имени под стать, твердый, сильный. И вырастет Торвейг Рагнарсдоттир белорукой красавицей с ясными очами, отцу с матерью на радость, добрым людям на уважение.

Справедливые норны, что наделяют людей судьбами, не

дали Торвейг ни темного шелка материнских волос, ни бледного золота отцовских. Девчонка была рыжей, не иначе в прадеда, Кормака. Волосы у Торвейг своим цветом напоминали не осенние листья, не червонное золото закатных лучей, а ржавчину, что покрывает, случается, самое крепкое железо и точит его до самого конца. А вот глаза были синие-пресиние, Рагнаровы глаза.

Они славно жили. Рагнар редко бывал в море больше трех-четырёх месяцев и всегда возвращался к зиме, проводя ее дома. У Гуннхильд, дочери Торварда, были самые богатые украшения в округе, она могла хоть каждый день менять красивые шерстяные наряды. Сигват-ярл, добрый сосед и союзник, в залог особого расположения и дружбы прислал в дом Рагнара свою дочь Мерет, чтобы росла вместе с детьми Гуннхильд. Эльвера так и не смогла подарить мужу сына, а вот дочерей у нее было четыре, Мерет старшая и самая красивая. Подружится, должно, с Торвейг.

Правду сказать, Гуннхильд не много времени уделяла дочери – у хозяйки большого дома забот не счесть. Выручала Силье, решившаяся наконец оставить свой домик у моря и рыбачью сеть. Ее мать, Трюд, умерла летом. Гуннхильд хотела выдать подругу замуж: кроткая и нежная Силье стала бы хорошей женой, да и среди хирдманнов Рагнара были те, кто хотел взять ее за себя. Силье запрекословила, наверное, впервые в жизни: не хочу замуж, хочу просто жить рядом с тобой, за детьми смотреть, по хозяйству помогать. Ста-

ла Силье-рыбачка в Винтерхейме ключницей, хозяйке Гуннхильд правой рукой. Так и случилось, что именно Силье учила Торвейг и Мерет прясть, ткать, вязать, находить целебные травы. Девочки старались. Особенной дружбы между ними не водилось. Мерет любила шумные игры, носилась по двору, звенела веселым смехом. Торвейг же была молчуньей, слова не вытянешь. Больше всего на свете дочери Рагнара нравилось слушать саги и песни, все равно о чем. А еще она часами пропадала в кузнице, подружившись с Торгримом, сыном Эгиля-кузнеца, нескладным застенчивым парнишкой. Эгиль взялся за молот, потеряв в морском бою правую ногу. Сладил кузницу и продолжил служить своему ярлу. Хорошие вещи выходили из-под Эгилевых рук, оружие, справа воинская. Женился кузнец поздно, когда ему уже за пятьдесят перевалило, а через три года овдовел. Растил сына, ремесло ему передавал. Говорят, жена его была полонянка из Хольмгарда славянского, но ее мало кто помнил.

Не раз и не два Силье чуть ли не силой вытаскивала Торвейг из кузницы, всю растрепанную и перемазанную, силясь понять: чего там ярлова дочка потеряла? Помогала мехи раздувать, уголь таскала да смотрела, как Эгиль железо плавит – вот уж занятие! А впрочем, в матушку, наверное. Гуннхильд двадцати зим не отсчитала, когда пошла в свой первый боевой поход, куда только отец смотрел... Торвейг хоть к мечам и топорам не тянется. Нет, смотрит, конечно, как учат мальчишек оружному бою, как Рагнаровы воины

гоняют друг друга по двору.

Это случилось, когда Торвейг минуло пятнадцать. Она недавно впервые закровоточила, и Гуннхильд вздохнула: выросла дочка, можно и жениха выбирать. В Винтерхейме был пир горой: Рагнар с сыновьями вернулся из похода, соседи съехались. Никто уже толком не помнит, что и к чему там было, но только хёвдинг пообещал Сигвату-ярлу подарить ему рабыню-финку: взяли много пленных. Сигват немедленно отправился выбирать и ткнул пальцем в зареванную тощую девчонку, что сидела наособицу, кутаясь в драный плащ. В сарае были девушки пополюе и покрасивее, но ярлу почему-то приглянулась эта.

Девка оказалась с норовом: встать и идти отказалась, а когда люди Сигвата схватили ее, принялась бешено отбиваться, визжа и царапаясь, как дикая рысь. Все же рабыню выволокли во двор, теперь ее крики слышали все. Торвейг, говорят, сидела на крыше вместе с Мерет, а в руках у нее было веретено. Из дома вышли гости: посмотреть, откуда несутся такие отчаянные вопли, а Торвейг... Торвейг вдруг кубарем скатилась с крыши и бегом бросилась к финке.

– Отпустите! – потребовала дочь Рагнара. – Я ее выкуплю!

Люди Сигвата засмеялись: нет, мол, это подарок нашему ярлу от твоего отца. Иди, девочка, своей дорогой, вот и нитки твои размотались.

Дальше произошло страшное: ярлова дочка откинула голову назад и заревела, как разбуженная зимой медведица,

глаза ее вспыхнули диким огнем. Торвейг пошла в атаку. Пятнадцатилетняя девчонка голыми руками раскидала дюжину здоровых мужчин, направо и налево нанося тяжкие раны. Двигалась она при этом с непостижимой быстротой: глазу не уследить. Бджорг, сын Альвисса, в ужасе обнажил меч, но Торвейг одним ударом повергла его на землю. Коли отскочил прочь, зажимая ладонью разодранное плечо, Олаф заорал от боли, когда Торвейг обхватила его руками и принялась сжимать с нечеловеческой силой. Финка вцепилась в ногу Торвейг и, закрыв глаза, икала от страха. Вигмарр и Виглаф стояли в растерянности, не зная, как подойти к беснующейся сестре, Гуннхильд прижала руки к груди, не узнавая свою дочь, такую тихую и скромную до сей поры. Сам Рагнар не отступил ни на шаг, ибо вождь отступать не должен. Ему удалось схватить дочь за руку, но Торвейг с утробным рыком оттолкнула его, легко сбив с ног. На губах ее вскипела пена.

– Это берсерка! Берсерка!!! – закричал срывающимся голосом Фруд, сын Трюггви, кормщик Рагнара.

Страх заледенил кровь. Это были мужественные люди, прошедшие три моря и сотню жарких схваток, готовые умереть за своего хёвдинга и ярла. Воины Рагнара не боялись никого на суше и на море, но берсерк! Точнее, берсерка, и это еще хуже. Так не бывает, так не должно быть, это черное колдовство, злые чары...

Рагнар и сам дрогнул. На своем веку ему приходилось ви-

деть тех, кто именовал себя берсерками, приходилось даже убивать их. Это были сильные мужчины, отличные воины, впадавшие в боевое безумие при виде противника. Они носили звериные шкуры мехом наружу, кусали свой щит, бешено вращали глазами... но никто из них не мог сделать и половины того, что творила сейчас собственная Рагнарва дочь, плоть от плоти его. Те берсерки, говорят, пили настойку мухоморов, от которой тело переставало чувствовать боль. Но была еще одна. Настоящая, природная берсерка, которая, умирая от тяжких ран, пообещала Рагнару, что станет его удачей. И сдержала обещание – на свою удачу Рагнар не мог пожаловаться. Ее тоже звали Торвейг и волосы у нее, кажется, были рыжие...

Вокруг Торвейг образовался круг: вооруженные мужчины, ругаясь, взяли ее в кольцо. Финка все так же всхлипывала и цеплялась за свою спасительницу, очевидно, юная берсерка пугала ее меньше, чем двор Сигвата. Силье-рыбачка с трудом протиснулась вперед, обеими руками держа тяжелое ведро с колодезной водой.

– Торвейг! – громко выкрикнула она.

Берсерка обернулась рывком: сдвинуться с места ей мешала финка, обхватившая теперь уже колени ярловой дочери. Ледяная вода окатила обеих с головы до ног, а Силье проворно отскочила в сторону. Торвейг встряхнулась, как тюлень, выбравшийся на берег. И пропала жуткая чернота расширенных зрачков, свирепая гримаса и звериный оскал. То-

рвейг Рагнарсдоттир с удивлением взглянула на свои окровавленные руки, озадаченно покрутила головой. Финка же вдруг вскочила, молниеносно выхватила из-за голенища костяной ножик и загородила Торвейг своим телом, угрожаяще подняв руку.

– Не подходите!

Вот так они и стояли посреди двора, мокрые, растрепанные девчонки-ровесницы: рыжая Торвейг и черноволосая финка-пленница, которую звали, как выяснилось, Рансу.

Рагнар первый пришел в себя и властным взмахом руки заставил всех разойтись. Подошел к дочери, взял ее за подбородок, заглянул в глаза, снова синие, так похожие на его собственные.

– Хочешь взять ее себе?

– Да, – просто ответила Торвейг.

– Значит, так тому и быть. – Рагнар осторожно перевел дыхание, вытер испарину со лба. – Сигват, выберешь себе другую девку?

– Нет, – с опаской ответил ярл, запахнувшись в плащ синего сукна. – Я вообще передумал, не нужны мне финские рабыни.

По тонким растрескавшимся губам Рансу пробежала легкая улыбка. Она склонила голову перед Торвейг.

– Госпожа моя... пойдете? Вам нужно переодеться.

Дочь Рагнара мотнула головой:

– Я хочу искупаться. Пошли на берег!

Люди расступились перед ними. Финка смотрела на бледного Сигвата-ярла с мстительной радостью. Гуннхильд, с трудом уняв дрожь в руках, безропотно выдала дочери новое платье из крашеной шерсти и еще одно, попроще, но с нарядной вышивкой. Торвейг протянула его финке.

– Надевай!

Гуннхильд тяжело вздохнула. Их с Рагнармом дочь – берсерка. Хорошо было слушать сладкоголосых скальдов, что пели о подвигах берсерков, следовавших за могучими вождями. А обнаружить берсерку в своем доме – намного хуже. Особенно если это твоя дочь. Кто захочет взять ее замуж... такую? А что будет дальше? Вдруг Торвейг убьет или покалечит еще кого-нибудь? Отца, братьев? Может, найти лекаря какого?

Финке Рансу было шестнадцать лет, но она была такая худая и маленькая, что все принимали ее за ребенка. Не то сказать чтобы красивая, но и не дурнушка: живые глаза, тонкий нос, ямочки на щеках. Правда, на севере ценили иную красоту. Торвейг возвышалась над своей новой подругой чуть ли не на целую голову.

Выкупавшись, девушки уселись на берегу, распустив волосы. Финка хорошо говорила на северном языке. Рансу рассказала, как жила в своем селении на берегу моря. Рассказала, что умеет беседовать с духами и знает руны. Так что, если вдруг Торвейг захочется что-то спросить у духов, Рансу может помочь, но не сейчас, а когда луна пойдет на убыль.

– Я хочу знать, что теперь делать... – задумчиво протянула Торвейг. – Как мне жить дальше?

– Живи как жила, – спокойно ответила финка. – Ты же свободная.

– Эй, Торвейг! – закричали сверху.

Близнецы Рагнарссоны спускались к реке. Торвейг, в общем, ладила со своими братьями: они иногда дарили ей украшения, рассказывали интересные истории, но проводить время предпочитали, как в детстве, с Мерет.

Виглаф и Вигмарр стояли в одинаковых, чуть напряженных позах, перенеся вес тела на правую ногу. Руки у обоих лежали на рукоятках мечей. Торвейг стало смешно: они ее боятся, сыновья Рагнара, молодые волки севера, вон, опоясались оружием, снарядились, будто в битву.

– Как ты это делаешь? – спросил Виглаф. Он был разговорчивее брата, да и нравом полегче. – Ну, становишься берсеркой? Этому можно научиться? Нам бы пригодилось!

Торвейг задумалась: можно ли? Да нет, вряд ли.

– Не получится, – подала голос Рансу. – Это от богов.

– Тебя забыли спросить, рабыня, – оборвал ее Вигмарр. Брат бросил на него предостерегающий взгляд, увидев, как нахмурилась Торвейг. Вигмарр презрительно скривил губы, но ничего не сказал.

– Тебе, Торвейг, все дороги открыты, – примиряюще улыбнулся Виглаф, разведя руками. – Хочешь, учись биться, слова никто поперек не скажет, я думаю. Теперь. Разве что

отец.

– Кто ж меня учить будет... – вздохнула Торвейг.

– Сами научим – если захочешь. – Он ткнул брата в бок.

Вигмарр угрюмо кивнул.

– Может, я не прав, – заключил Виглаф, потрепав Торвейг по макушке, как он это всегда делал, когда сестра была маленькой, – но берсерк должен знать, где у меча рукоять.

– Я берсерка, – сказала Торвейг. – Я научусь!

Потом они пошли в кузню. Эгиль с Торгримом не видели, что произошло во дворе, но им передали, как водится, преувеличив.

– Это правда, что ты всех людей Сигвата-ярла положила? – возбужденно блестя глазами, спросил Торгрим, выкатившись из-за наковальни. – А, Торвейг?

– Ничего подобного! – возмутилась девушка. – Все живы и... почти целы. Я берсерка! Эгиль, ты слышишь?

– Слышу, – невозмутимо отозвался одноногий кузнец. Он прохромал в угол, напился из глиняного кувшина, вытер седую бородину, что доставала ему до середины груди.

– Я буду учиться драться! Как Скади-лыжница!

– Тоже можно. А для чего?

– Как для чего? В поход пойду с отцом... если возьмет, конечно. Моя матушка тоже сражалась!

– Смотри, Торвейг. – Эгиль указал на наполовину выкованный клинок. – Что это?

– Меч. Будет скоро.

– Правильно. Скажу больше, это будет очень хороший меч. Руду для него брали в болоте, она пролежала там сотню лет, а может, и две сотни. Клинок из такого металла не стыдно носить любому ярлу. Меч будет острым, сможет рас-сечь любую броню, и ему, наверное, дадут имя. И только от человека зависит, будет ли это имя славным. Этот меч может добывать хозяину славу в честном бою. А может разить в спину, убивать детей и стариков, умножая горе и слезы. Ты, Торвейг, как тот меч. Я давно живу на свете, но мало хорошего слышал про берсерков. И еще никто из них не дожил до старости. Решать тебе.

– Я уже решила! Я стану славной воительницей, как те, про которых поют скальды. А после смерти сяду за стол в Вальгалле! Рядом с великим Одином!

– Девочек не пускают в Вальгаллу! – встрял Торгрим.

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Валькирии же там есть? Они женщины!

– Ой, гляньте на нее, хорошие люди! Валькирия рыжая! – Торгрим залился смехом.

Торвейг бросилась на него, повисла на плечах, ребята покатались по полу кузницы. Завязалась дружеская потасовка. Рансу смирно сидела у двери, обхватив колени руками.

– Ну, вы, сорванцы, потише! – прикрикнул Эгиль. Одновременно его сын зашипел от боли, растирая запястье.

– Ох, Торвейг! Кость мне сломала-а-а-а!

Кузнец внимательно осмотрел руку парня. На смуглой коже виднелись багровые синяки, оставленные пальцами Торвейг, когда она схватила Торгрима за руку. Кости были целы. Эгиль задумчиво покачал головой.

– Тебе следует быть осторожнее, Торвейг. Ты необычайно сильна для девушки. На-ка, вот. – Он протянул берсерке толстую конопляную веревку. – Сможешь порвать?

Ярлова дочь крепко взялась, дернула раз, другой – разорванная веревка упала на пол. Глаза Торвейг загорелись.

– Торгрим, Эгиль! А свяжите меня покрепче! – попросила она. – Только по-настоящему!

Что ж, Эгиль постарался на совесть – крепко стянул ей локти за спиной. Так викинги связывают пленников в корабельном трюме. Торгрим на всякий случай отошел подальше.

Торвейг напрягла мышцы что было сил. Сначала отлетела медная застежка с платья, веревки врезались в тело... а потом неожиданно ослабли. Торвейг обнаружила, что может пошевелить правой рукой. Ее лицо осветилось довольной улыбкой.

– Вот! Вот как я могу! Я буду сражаться! Буду!

Рагнар Рагнарссон спокойнее всех воспринял перемену с Торвейг. Подумал, поговорил с Оттаром, сыном Ньяла. Его одного могучий вождь мог, пожалуй, назвать своим другом. Сорок лет назад Оттар посватался к Осхильд, старшей сестре Рагнара, но получил отказ. Осхильд, гордая красавица, тоже

была воительницей не из последних. Она вовсе не хотела замуж ни за Оттара, ни за кого другого. Раз во время жестокого морского боя Осхильд, раненая, выпала за борт. А может, выбросилась, не желая погибать от вражеской руки. Воительница камнем пошла ко дну. Оттар нырнул вслед за ней в ледяную воду и нырял до тех пор, пока не вытащил бесчувственное тело девушки. Тот бой они выиграли. Скальды сложили свои песни о доблестных воинах, а Оттар тяжело заболел. Он не поднимался с постели почти всю зиму. Но весной своенравная Осхильд вдруг ответила согласием. Счастливее Оттара не было мужчины на свете.

В первый месяц лета невеста вошла на корабль, который должен был отвезти ее в землю, что станет вторым домом. Радостным было то путешествие и веселым пир, который устроил Оттар родичам своей нареченной. А на рассвете к берегу подошли три корабля с ватагой ладожских воинов, поклявшихся о кровной мести... Осхильд Рагнарсдоттир умерла на пороге того дома, куда готовилась войти хозяйкой, ее отец – тоже. Пятилетнего Рагнара один из воинов ударил по голове и выбросил из окна, чуть не вышибив из мальчишки дух. Оттара свалили, когда на нем уже живого места не было от ран. Но суровые северные боги зачем-то сохранили ему жизнь... Оттар до сих пор не мог понять, зачем им это было нужно. Почему он не смог уйти об руку с невестой, которая так и не стала ему женой. Ради мести? Да кому она нужна, эта месть? Что, мстью можно оживить убитых,

заново воздвигнуть сожженные стены родного дома? Оттар стал брату Осхильд другом, учителем и наставником. Да, они с Рагнарсом отомстили, отомстили жестоко и страшно, но пустоты в груди не стало меньше. Оттар начал улыбаться лишь тогда, когда у Рагнара появились дети. Да, он сошел на берег и отложил в сторону меч, но мало кого люди уважали так, как Оттара, сына Ньяла. Его негромкий голос слушали на тингах, самые знатные ярлы приезжали побеседовать с Оттаром. Оттар был богат: торговал чуть ли не со всем миром: с русами, франками, ромеями. А еще он лучше всех разбирался в хозяйстве: благодаря советам Оттара люди из Винтерхейма забыли, что такое голод и неурожай. Случалось ему и замирать кровников, и делить наследство, да так, что никто не чувствовал себя обиженным. Прожитые годы посеребрили некогда рыжие волосы Оттара, проложили белые дорожки в его окладистой бороде, чуть согнули крепкие плечи. Он так и остался навсегда женихом Осхильд, не взял себе жены, не вырастил детей, но всем сердцем прикипел к близнецам Рагнарссонам. Никто не знал, что именно Оттар в свое время присоветовал Торварду-ярлу выдать дочь за Рагнара. Он же уговорил Сигвата, прежнего жениха Гуннхильд, не держать обиды и стать Рагнару добрым соседом.

По поводу Торвейг Оттар так сказал Рагнару: «Как бы то ни было, это твоя дочь. Дар у нее или проклятие? Это с какой стороны посмотреть. Главное, чтобы самой Торвейг не навредило». И добавил, не удержавшись: «Видишь, Рагнар,

в каждом колене твоего рода – по воительнице. Хорошо бы только Торвейг повторила судьбу Гуннхильд, а не Осхильд».

Рагнар усмехнулся: Гуннхильд хотела уже дочери жениха искать, сетуя, что у Сигвата нет сыновей, а тут вон как все обернулось. Торвейг заявила, что не пойдет замуж, а будет искать воинского счастья. Братья решили учить ее мечу. Девчонка оказалась упорной и старательной, поблажек ярловой дочке никто не делал, гоняли до седьмого пота. Вместе с берсерочьей боевой яростью Торвейг, похоже, получила еще изрядную силу: она уложила на стол отцовскую руку, когда Рагнар решил потягаться с дочерью в рукоборстве. Торвейг могла взять в охапку взрослого мужчину и отшвырнуть его с дороги, остановить сомкнутыми ладонями смертоносный замах меча, одним ударом сбить с ног... Финка Рансу таскалась за ней хвостом, не спуская глаз с юной берсерки. Рансу двигалась неслышно, как ночная птица, и никто в Винтерхейме еще не слышал ее смеха. Однако зеленватые, чуть раскосые глаза Рансу смотрели дружелюбно, она не отказывалась помочь, если просили, бралась за любую работу, и место за женским столом было ею вполне заслужено. Только вот Торвейг сажала Рансу рядом с собой, не обращая внимания на косые взгляды и недовольство Гуннхильд. Подруги стали неразлучны.

Финка недурно вышивала, Силье подсмотрела у нее несколько новых узоров. Рансу умела печь вкусные лепешки из ячменя, заговаривать кровь, лечить простуду и... прини-

мать роды. Фрита, скотница, затеяла рожать ночью. Силье, разбуженная криками, услала девушек за повитухой, а сама побежала за водой. Когда вернулась, увидела, что рядом с Фритой стоит Рансу. Повитуху так и не нашли, но маленькая финка быстро и ловко сделала все, что требуется.

Торвейг и Рансу любили бродить по лесам, зачастую возвращались затемно. Приносили травы, ягоды и грибы. Вместе лазили по скалам за птичьими яйцами, связавшись одной веревкой. Рагнар позволил им брать из конюшни лошадей, Торвейг любила ездить верхом и посмеивалась над Рансу, когда та судорожно вцеплялась в конскую гриву. Финка говорила, что на родине она пасла оленей.

Раз девушки пришли в конюшню ночью, когда солнце давно уже скрылось за горизонтом: Торвейг не спалось. Однако Серый, ее любимый конь, ласковый и послушный обычно, вдруг бешено прянул в сторону, стоило хозяйке сделать шаг к нему. Тревожно заржал Хуги, широкогрудый жеребец Рагнара, признанный вожак всех лошадей Винтерхейма.

– Чего это они? – Торвейг повернулась к подруге.

– Зверя чувят, – тихо ответила финка, блеснув глазами.

– Какого еще зверя? – Дочь Рагнара тоже понизила голос.

Рансу вдруг цепко взяла ее за плечи обеими руками, развернула к окну, заглянула в лицо, освещенное лунным светом. А потом решительно схватила за руку.

– Побежали!

Они помчались через двор. Торвейг неслась вихрем, фин-

ка тяжело дышала, но старалась не отставать. Правду сказать, угнаться за берсеркой было делом совсем не легким. Девушки выбежали в поле, рыжие волосы Торвейг плескались по ветру, она перестала заплетать косы и завязывать волосы в узел, как делала раньше. Рансу носила платок.

– Куда... бежим-то? – выговорила Торвейг. – Долго еще?

Рансу не хватило воздуха, чтобы ответить. Она закашлялась, попыталась вдохнуть... и почувствовала в своей руке вместо крепкой ладони Торвейг звериную шерсть! Финка споткнулась, упала, поспешно вскочила... Прямо на нее медленно шла медведица: рыже-бурая шкура, острые когти и... синие глаза. Глаза не изменились. Рансу окаменела. Она была готова к чему-то подобному, она загодя почувствовала. Но все равно было очень страшно. Шаман, случалось, рассказывал про оборотней: девицу, способную превращаться в тюленя, охотника, умеющего становиться быстроногим оленем. Маленькая Рансу мечтала: вот бы научиться! Как братья Рагнарссоны, завидующие сестре оттого, что она берсерка. Рансу слышала, как Вигмарр, которому крепко досталось от Торвейг деревянным мечом, высказал брату, что, мол, справедливые боги явно по недосмотру наделили сестру силой. Могли бы получше подумать, кому родиться берсерком: храброму воину или сопливой девчонке. Осторожный Виглаф не стал спорить. Если бы братья узнали, что Торвейг еще и оборотень...

Финка неуверенно подняла руку. Зверь замер на месте,

вздыбив шерсть на загривке. Только бы не бросилась!

– Торвейг, это я, Рансу! – Девушка с трудом унимала дрожь в голосе. – Торвейг, возвращайся! Возвращайся обратно!

Медведица глухо заворчала, ее мышцы напряглись, когти ушли в землю. Рансу не выдержала, зажмурилась. А когда открыла глаза, ее подруга была уже в человеческом облике. Голая, растрепанная. И плакала.

Возвращались молча. Торвейг, кутаясь в плащ финки, зло утирала слезы, шмыгала носом, ругалась вполголоса. Потом откашлялась, тряхнула рыжей гривой, высморкалась в два пальца.

– Рансу, я тебя так и не спросила... Почему ты так не хотела к ярлу Сигвату? Ведь не он напал на твоих родичей, это сделал мой отец. Сигвата матушка принимает, он в свое время сватался к ней.

– Духи сказали мне, что Сигват злой человек. Он богат, знатен и уважаем, но его сердце точит обида и зависть.

– Какая обида?

– Я не знаю, – развела руками финка.

– Рансу. – Торвейг вздохнула. – Если хочешь, возвращайся домой. Отец попросит какого-нибудь купца, что пойдет в ваши края, отвезет тебя. Видишь, как я...

– Торвейг. – Финка остановилась. – Я сирота. И родных не осталось.

Не осталось никого, так говорили люди. Сколько Рансу се-

бя помнила, она жила у старика-шамана, высокого, худого как щепка, с длинными седыми волосами. Шаман говорил непонятное, но был добр к Рансу. Когда девчонка подросла, старик стал учить ее говорить с духами, разбираться в рунах, а самое главное – смотреть и слушать. Море, людей, деревья и скалы.

– Я не хочу домой. Я хочу следовать за тобой, куда бы ты ни отправилась, я хочу увидеть мир. И потом... не у каждой финской девчонки в подругах берсерка-оборотень.

Торвейг возмущенно сверкнула глазами, а потом рассмеялась в голос. Они долго сидели на траве, глядя в высокое летнее небо. Звезды сверкали остро и холодно, как клинки валькирий, пахло вереском и свежескошенной травой. Торвейг думала о том, как изменилась ее жизнь за последние полгода. Совсем скоро отец снарядит боевые корабли... может быть, Рагнар не откажется взять ее в поход? Он прикажет Торгриму с Эгилем выковать Торвейг доспехи и меч, а когда начнется морской бой, девушка первая спрыгнет на палубу чужого корабля. Даром, что ли, каждый день отцовские воины гоняют ее по бревну, заставляют по сто раз спрыгивать с него и запрыгивать обратно? Она будет неукротимой и отважной, как настоящая валькирия, получит свою долю военной добычи, а потом все скальды будут петь у очагов о подвигах дочери Рагнара... А потом – не скоро, конечно же! – когда придет время умирать, Торвейг встанет у ворот Вальгаллы, где, наверное, уже будет пировать отец, встанет, как рав-

ная. И улыбнутся ей красавицы-валькирии, сам Один, верно, ухмыльнется в бороду и даст ей место за своим столом рядом со славными воинами.

Рансу спокойно сидела рядом, подобрав под себя ноги. Когда Торвейг пыталась так сидеть, у нее затекали все мышцы, а финке хоть бы что. Подруг у Торвейг никогда не водилось: в Винтерхейме почти не было девочек ее возраста, только рабыни. С Мерет дочь Рагнара так и не поладила, к вящему огорчению матери. Мерет была веселой и подвижной, как солнечный зайчик, весело смеялась, плясала до упаду. Ей все улыбались, даже вечно хмурый Вигмарр. Да что греха таить, даже Гуннхильд как-то сказала Силье, что, мол, дочери не помешало бы брать пример с Мерет, глядеть повеселее, с замужеством бы быстрее сладилось. Торвейг слышала. Но это давно было, еще до того, как она стала берсеркой.

После того подслушанного разговора Торвейг на цыпочках вышла во двор, ушла в кузницу и долго-предолго смотрелась в отполированный шлем, сравнивая себя с дочерью Сигвата. Повздыхала, поплакала немного. Мерет обладала удивительными зелеными глазами, которые на солнце казались совсем светлыми. Когда она опускала ресницы, на нежные щеки ложилась тень. Еще у Мерет были медового цвета косы, стройный стан и легкая поступь. Торвейг ничем таким похвастаться не могла. Дочь Рагнара была рослой, как он сам, широкой в кости, с буйной гривой вечно встрепанных рыжих волос и громким голосом. И она была скорее за-

думчивой, чем веселой.

Совсем худо стало, когда девочки выросли. У Мерет отбоя не было от женихов, но Сигват-ярл не спешил отдавать дочь, она так и жила в Винтерхейме. Близнецы Рагнарссоны наперебой дарили Мерет украшения и нарядные платья, отец не препятствовал. Похоже, он был бы не против женить одного из них на дочери своего друга и доброго соседа. С Торвейг же братья общались мало, Вигмарр так вообще ее не замечал. До того самого дня, когда появилась Рансу. Хорошо все же, что она появилась.

– Рансу?

– А?

– Мы ведь не расстанемся?

– Нет, – просто ответила финка. – Я буду лечить твои раны и хранить тебя. Я увижу нож, нацеленный тебе в спину, разгляжу отраву в кубке. Пока я рядом, с тобой ничего не случится, Торвейг. Мы всегда будем вместе. Если ты меня не прогонишь. Трижды отведу от тебя Калму-смерть.

– А потом?

– А потом увидим, – вздохнула финка.

– Откуда ты знаешь?

– Так, – задумчиво сказала Рансу. И взглянула в лицо Торвейг: – Веришь мне, берсерка?

Домой они вернулись под утро, шли босиком. Гуннхильд тоже не спалось до рассвета, она сидела у окна. Увидев дочь, покачала головой. Учится сражаться, всю ночь пробегала по

лесу с этой финкой, будь она неладна. Эх, вернуть бы то время, когда Торвейг смиренно сидела за прялкой. Как теперь выдавать ее замуж? Слух о юной берсерке уже пошел по северным землям. Надо поговорить с Рагнаром, завтра же. Точнее, уже сегодня.

Еще финка эта, непонятно откуда взявшаяся, дочь с ней не расстается, за стол ее с собой сажает, даже спят вместе. И чаще спят на сеннике, чем в доме. Но это ладно, как похолодает да заморозки ударят, вернутся под общую крышу, к очагу. И попробуй что скажи своевольнице: сверкнет глазами, мотнет головой и замолчит, а сделает все равно по-своему, упрямой стала. А еще гордой и неуступчивой, смотрит свысока. Одеваться начала в холстину да вареную кожу, от людей стыдно, последняя рабыня носит платья наряднее. И на все упреки у вздорной девки один ответ: я, мол, берсерка, богами отмеченная, мне можно. Рагнар только посмеивался в ответ на жалобы жены. Гуннхильд отступилась было, но сейчас твердо решила настоять на своем.

Найдется ли хороший жених для Торвейг? Все же ярлова дочка, за простого воина ее не отдашь... Жаль, что Торвейг не так красива, как Мерет, вот дочь Сигвата уж точно выйдет замуж за достойного человека, знатного и доблестного. Не исключено, что за Вигмарра или Виглафа. Все свободное время близнецы проводили с Мерет, рано или поздно ей придется выбирать. Гуннхильд задумалась: она любила своих сыновей одинаково. Но Виглаф был спокойным и рассу-

дательным, люди называли его добрым. А Вигмarr... Вигмarr был выкован из стали, схваченной крепким морозом: неистовый и беспощадный в бою, скорый на гнев и на расправу. Рагнар подумывал передать близнецам один из своих кораблей и поставить Вигмarrа вождем. Но Гуннхильд казалось, что люди охотнее пойдут за Виглафом.

В соседнем фьорде стоит двор Хродмара Гудмундсона, а у того есть сын, Кетиль, прозванный Книжником. Сам Хродмар, бывший некогда храбрым викингом, неохотно покидает двор, донимают старые раны. А вот семнадцатилетний Кетиль уже объехал полмира с торговцами, говорит на нескольких языках, даже по-ромейски понимает. За то и кличут его Книжником. Год назад Гуннхильд видела парня на тинге, он ей понравился. Держится с достоинством, но просто, собой хорош, высокий, кудрявый, опять же, единственный наследник. Тем летом в вик ходил, взял добычу немалую. Хродмар тогда обещал прислать сватов, но что-то не шлет.

Задумано – сделано. Торвейг явилась перед Рагнарoвы очи, встала у порога, скрестила руки на груди.

– Звал, отец? – спросила почтительно, наклонив голову.

– Ты вот что, Торвейг. – Рагнар встал, нахмурился. – Хоть ты и берсерка, а все ж над тобой моя воля. Моя и матери твоей. Слово мое такое: по осени принимай сватов и жениха выбирай. Неволить тебя не буду, кто понравится – за того и пойдешь. Главное, чтобы род был добрый.

Рагнар покосился на дочь. Торвейг упрямо наклонила го-

лову:

– Нет.

– Чего – нет? – Рагнар рассердился. – А ну, говори толком!

Торвейг молчала.

– Это не твои слова, ярл, – донеслось от порога.

Оглянулись одновременно: Рагнар потянулся к мечу, а Торвейг – к ножу у пояса. Финка Рансу смирно сидела, скрестив ноги, у бревенчатой стены. Как, откуда?! Торвейг вошла к отцу одна...

– Не твои слова, – повторила Рансу, – а госпожи Гуннхильд.

– Как ты сюда попала? – свел брови Рагнар. – Через закрытую дверь?!

– Нет, – безмятежно ответила финка. – Вместе с Торвейг вошла. Я тебе глаза отвела. Первый раз получилось!

Торвейг хихикнула. Рагнар хотел разозлиться, но не смог. Гуннхильд не понять, но дочь-берсерка нравится ему больше просто дочери. Как будто у Рагнара не два сына, а три. Ярл встал, потрепал девушку по рыжей макушке, мимолетно отметив, что та почти с него ростом...

Сговорились так: все остается как было, но сватов Торвейг принимает, матери не дерзит, ведет себя скромно и почтительно, когда надо, надевает платье, а не портки мужские. Заплетает волосы и делает все, что положено делать ярловой дочери. В остальное время она вольна вести себя как угодно – есть из одной миски с рабыней, лазить по скалам, ма-

хоть топором и бегать по бревну, бродить по лесу и плавать в море. Торвейг угрюмо кивала, Рансу улыбалась.

По осени Рагнар снарядил корабли. Торвейг умоляла отца взять ее с собой, но получила отказ.

– После возьму, – сказал Рагнар. – Когда еще чуть подрастешь. И сватов уже прими, уважь мать.

И уплыл. Торвейг долго стояла на берегу вместе с Гуннхильд, до тех пор, пока полосатые паруса не скрылись на горизонте. Впрочем, сыновей Рагнар тоже оставил дома и часть хирда оставил. Вик обещал быть коротким, к зиме вернуться.

Шли осенние дни, похожие один на другой. Торвейг и Рансу каждое утро вставали на рассвете и шли к морю. Торвейг раздевалась донага и входила в обжигающе холодную воду, плавала и ныряла, потому что берсерка не должна бояться холода. Рансу ждала на берегу, кутаясь в плащ, зевала, терла глаза кулаком. Финка помогала дрожащей Торвейг натянуть одежду на мокрое тело, и девушки во весь дух мчались обратно. Как всегда, Рансу отставала.

Торвейг все свободное время проводила во дворе, упражняясь с оружием. Мечу она предпочитала старый тяжелый топор, который отыскала в оружейном доме. Держала его сначала двумя руками, потом стало получаться одной. С ладоней не сходили мозоли, но Торвейг это не тревожило, скорее даже радовало. Лезвие топора тускло посверкивало синеватой сталью. Немногие из отцовских воинов могли при-

нять на щит удар берсерки, а из юношей против Торвейг рисковал выходить только Торгрим, кузнецкий сын. Он проигрывал три боя из четырех, но раз за разом поднимался и шел прямо под удар топора. Такое упорство страшно злило Торвейг: всем было ясно, что она, берсерка, лучше, почему же Торгрим никак не хочет этого признавать? Дочь Рагнара не жалела своего товарища, стараясь ударить его посильнее, но парень не сдавался. Раз Торгрим даже выбил топор у нее из ладони, вокруг закричали, Торвейг еще ни разу не выпускала оружия из рук! В ярости девушка ударила ногой в нижний край щита Торгрима, рывком наклонилась за топором, кузнец наступил на рукоять. Щит разбил ему губы, Торгрим жутковато ощерил зубы в кровавой улыбке. Торвейг двинула ему кулаком в лицо, но парень толкнул ее щитом и сам бросился сверху, выпустив меч, сбил с ног. Торвейг ударила Торгрима коленом, он в ответ вывернул ей руку, вынуждая закусить губу от боли.

Растащил их Олаф, один из хирдманнов Рагнара, оставленный в Винтерхейме залечивать досадную рану: на охоте Олафа угораздило свалиться с коня и сломать ногу, он не пошел в поход и злился на всех вокруг. Воин закатил Торгриму такую затрещину, что у того зазвенело в голове. Вздернув парня на ноги, Олаф занес руку для нового удара:

– Смотри, с кем дерешься, сопляк!

Торгрим, утирая разбитые губы, круто повернулся, сплюнул и пошел прочь.

Торвейг медленно поднялась, пригладила растрепанные волосы. Ей не надо поблажек! Рука болела, на глазах закипали обидные слезы. Не хватало еще разреветься при всех! Хотелось убить Торгрима, вцепиться ему в горло, разорвать на части, все кости переломать... зуб она ему, похоже, вышибла, а может, и два... никто еще не сбивал Торвейг с ног. Жалели? Дрались не в полную силу? Да нет, не может быть. А этот, щенок! Торвейг прислушалась к себе: не накроет ли берсерочье боевое безумие? Зажмурилась, постояла... нет, ничего. Но ярость никуда не делась.

Он даже не воин, он кузнец, и воином не будет, будет всю жизнь гнуть спину над наковальней и махать молотом, никогда не ступит на палубу драккара, не ощутит на лице соленый ветер, что пахнет боем и кровью, дальними странствиями и славой... и в Вальгаллу уж точно не попадет, туда отправляются лишь те, кто умер с оружием в руках. Торгрим будет ковать оружие и доспехи для воинов, хирдманнов и ярлов. Для таких, как Рагнар, Виглаф и Вигмарр. Для таких, как Торвейг. Незавидная судьба, что и говорить! А она, Торвейг, еще дружила с ним, постоянно пропадала в кузнице... Было больно, чего уж там. Оставалось надеяться, что Торгриму досталось еще сильнее.

– Не связывался бы ты с ней, – посоветовал Эгиль, неодобрительно глядя на сына из-под седеющих бровей. – Зачем на рожон лезть?

Торгрим умывал разбитое лицо морской водой. Щипало

крепко, он задерживал дыхание. Один зуб скололся в том месте, куда пришелся удар окованного железом щита.

– Что ж теперь, – невнятно проговорил парень, осторожно ощупывая губу, – с ней и не драться, если берсерка? Сразу убежать?

– Сражаться ты выучился, Торгрим, себя оборонить сможешь. Хочешь учиться еще – учись, я не препятствую. Только куда еще дальше? Или ты в викинги податься решил? Ремесло я тебе зря передаю? – Кузнец зашелся тяжелым кашлем.

– Не зря. – Торгрим выпрямился. – Только... если нападут? Такие, как Торвейг?

– Таких, как Торвейг, может, больше и нет в мире.

– Все равно, – упрямо мотнул головой Торгрим. – Я не побегу. А ты, отец?

– Я тоже, – усмехнулся старый кузнец. – С моей ногой далеко не убежишь.

И вздохнул. Вырос сын, еще выше его будет. Мальчишка еще, пятнадцать лет, но плечи широкие, руки бугрятся мышцами от работы тяжелым молотом. Что ему те мечи?

Торгрим и правда заметно возмужал, уже догнал ростом близнецов Рагнарссонов, даром что те старше. А вот Эгиль стал сдавать. По утрам у кузнеца, случалось, немело все тело. Прежняя сила будто уходила из рук – пальцы не слушались, и хватка слабела. А ведь бывало, без устали ворочал тяжелым молотом от самой зари и дотемна.

В сумерках в кузницу постучали. На пороге стояла Мерет, закутанная в узорчатый плащ, схваченный у горла золотой фибулой: змея с рубиновыми глазами кусает себя за хвост. Начало и конец всему.

Эгиль отступил на шаг: дочь Сигвата-ярла ни разу не удаивала его своим приходом. Мерет ласково улыбнулась ему и присела на грубо сколоченную скамью. Тонкие пальцы расстегнули плащ, Мерет потупила взор, отбросив за спину медовые косы.

Торгрим тоже молчал, только смотрел на красавицу. Мерет не Торвейг, с ней не поговоришь запросто. Правду молвить, воспитанница Рагнара до сего дня как будто не замечала его существования. А тут вдруг шагнула на порог: и закопченную кузницу будто озарило сияние.

– Мне говорили, что ты искусен, хоть и молод, – сказала Мерет, – и еще говорили, что ты можешь сделать тонкую работу.

– Да, могу, – сказал Торгрим охрипшим от волнения голосом и зачем-то дотронулся до рассеченной губы.

Это было правдой. Эгиль стал слаб глазами, у сына же его было зрение сокола.

– Сделай мне пряжку, – девушка положила золотого змея на наковальню, – вроде этой, только из железа.

– Из железа? – тупо переспросил молодой кузнец, чувствуя себя дураком. – Но зачем?

– Иногда железо дороже золота, – мелодично рассмеялась

Мерет. – И милее. Ты уж постарайся, кузнец.

– Сделаю на совесть, – пообещал Торgrim.

Девушка запахнулась в плащ и ушла, но на пороге обернулась: Торgrim так и стоял, сжимая в руке золотую вещицу.

* * *

Однажды утром Торвейг открыла глаза и привычно протянула руку, чтобы разбудить Рансу, но ее постель была пуста. Девушка села, недоуменно протирая глаза: финка ускользнула совсем беззвучно, будто растаяла в сером утреннем свете. Торвейг пошла к морю одна. Туман накрыл берег густой дымкой: вытянешь руку, и дальше локтя не видно. Берсерка скинула одежду, разложила ее на плоском камне, вошла в обжигающе холодную морскую воду. На белой коже темнели синяки, но это ничего. Берсерка не боится холода. И боли не боится. И вообще ничего не боится – Торвейг нырнула до самого дна, нащупала там камень, зачем-то принялась выкапывать его из песка. Камень был шероховатый, весь в водорослях. Отфыркиваясь, Торвейг вынырнула, не выпуская камня из рук, пошла к берегу, внимательно вглядываясь в туман. Порты и рубашка исчезли. Камень был, а одежды не было. Торвейг ошеломленно захлопала ресницами. Как такое возможно? Кто посмел?!

Она стояла на берегу нагая, дрожа от холода. Длинные рыжие волосы прилипли к спине. Она узнает, кто это сделал,

и жестоко расправится с ним. Узнать бы... Торвейг стучала зубами, мысленно посылая проклятия неведомому вору. Да кто вообще осмелился так шутить с ней?! Братья? Да зачем бы им – Вигмарр ни за что не поднимется на рассвете ради глупой шутки, а Виглаф слишком осторожен, да и побаиваются ее близнецы, это точно. Может, кто-то из трэлей? А может, Торgrim? Не сумел одолеть Торвейг в бою, так решил ее опозорить? Не может смириться с тем, что девчонка сильнее его?

По песку зашуршали шаги. Торвейг вздрогнула и занесла было камень, но, узнав походку Рансу, шумно выдохнула. Финка подошла к самой воде.

– Торвейг? Одевайся, уже синяя вся!

Торвейг мрачно сжала губы и шагнула на песок, обтирая себя ладонями, так же молча выжала волосы. Рансу pokrutila головой, все поняла и тоже разделась, отдала подружке рубашку, еще хранившую тепло, шерстяной платок, накинула ей на плечи плащ, сама же натянула платье на голое тело.

– Побежали?

– Да погоди ты, – отмахнулась от подруги берсерка. – Кто?! Кто это сделал?

Рансу пожала плечами. В Винтерхейме вставали рано, с петухами: работники трудились, хозяйку Гуннхильд ждали хлопоты по дому, оставшиеся дома хирдманны Рагнара поутру с хохотом обливались водой из колодца. Вот что-то vykрикнул рыжий Олаф, вот один воин закатил другому звон-

кую оплеуху...

Торвейг внимательно осматривала берег. Никаких следов, нигде. Земля не первый снег, чтобы на нем любой след отпечатывался. Девушка разочарованно вздохнула, но от намерения отыскать обидчика не отступилась. Решительно сдвинула брови и пошла во двор. Рансу потрусилась за подругой.

Все бы, наверное, обошлось, если бы Рансу не обратила внимания на Торгрима, который, стоя на пороге кузницы, недоуменно вертел в руках... да-да, кожаную безрукавку, которую Торвейг любила надевать поверх рубахи. Один раз, еще летом, она даже напялила ее на голое тело, выставив на всеобщее обозрение налившиеся силой руки и плечи, но Гуннхильд, увидев дочь, так ее отчитала, что берсерка не рискнула прекословить и быстренько переоделась.

Финка замедлила шаг, присматриваясь, Торвейг проследила за ее взглядом... и молча бросилась к кузнице. Платок свалился, льняная рубашка Рансу, изрядно тесная, облепила мокрое тело, но Торвейг ничего не замечала. Торgrim успел шагнуть назад и захлопнуть дверь. Загремел засов.

– Убью!!! – завопила Торвейг, наваливаясь на дверь плечом. – Отворяй!!!

Дверь затрещала. Рансу увидела, что от колодца, торопясь, хромают Олаф, бегут еще воины. Она попыталась схватить Торвейг за руку, но не смогла удержать, подруга снова ударила в дверь. Еще пару таких толчков – и засов не выдержит.

– Выходи, Торгрим! – орала Торвейг, тряся мокрой гривой. – Я тебе кишки выпущу! И кузницу твою по бревнышку раскатаю!

– Что тут происходит?!

Торвейг обернулась, растрепанная, красная. На рубашке проступила кровь: берсерка рассадил плечо, когда ломилась в кузницу. Внезапно дверь распахнулась. Торгрим спокойно шагнул через порог, держа в руках одежду Торвейг.

– Ты унизил меня, – прошипела девушка. – Ты украл мою одежду с берега! Трус!!!

Молодой кузнец слушал ее, склонив голову к левому плечу. Непохоже было, что он боится. Синие, почти как у самой Торвейг, глаза были грустными.

– Я не делал того, в чем ты меня обвиняешь, и готов в этом поклясться. И если бы ты была мужчиной, я вызвал бы тебя на поединок.

– Но-но, – проворчал Олаф, очень довольный, что на этот раз обошлось без ран, – ты, парень, полегче...

Рансу вовремя заметила, как у Торвейг стекленеет взгляд, как бешено раздуваются побледневшие ноздри. Она вцепилась в подругу, обхватила ее за плечи, изо всех сил сжала руки... Помогло. Торвейг осталась стоять, где стояла, Рансу даже через мокрую ткань чувствовала, какая горячая у нее кожа, будто из самого нутра поднимается пламя.

– Нет, Торвейг, нет! Смотри на меня!

Торвейг встряхнулась, как мокрое животное, но послуша-

лась, опустила глаза.

– Я нашел твою одежду у двери, Торвейг, – негромко сказал Торгрим. – Я не воровал ее. Я... у меня... мой отец умер этой ночью.

Берсерка молча взяла свою одежду, недоуменно потрогала разбитое плечо и пошла восвояси. Торгрим скрылся в кухне, а Рансу присела на порог – ее не держали ноги. Обошлось. Пока что обошлось. Приглядевшись, финка заметила на пороге мелкую жемчужину с обрывком красной нитки. Она сама показывала девушкам хитрый двойной узел, которым следовало крепить речной жемчуг, если желаешь, к примеру, расшить плащ. Рансу морщила лоб, пытаясь вспомнить, не видела ли она на ком красного плаща с жемчужным узором. Видела, определенно видела... Да, точно. На госпоже Гуннхильд. Ну да это ничего не значит. Совсем ничего.

Торгрим устроил своему отцу погребальный костер на морском берегу, ведь Эгиль в свое время плавал по морю. Да и вообще любил, бывало, побродить по берегу, слушая резкие крики чаек, вглядываясь в синюю даль. Вроде не жалел, что сменил воинскую долю на кузнечное ремесло, опять же, какой из одноногого воин... А может, и жалел, только никогда не говорил об этом. Как бы то ни было, Торгрим весь день рубил деревья, колол дрова и носил их на берег. Теперь он остался один в этом мире, нет за спиной могучего рода (да и не было никогда), вообще никого нет. Только боги.

Пока был жив Эгиль-кузнец, сын спрашивал его только о

матери – какой она была, юная пленница из далекой Гардарики. Мэйла, Мэйлава, красавица с длинной косой и огромными испуганными глазами, которую кузнец выкупил на торгу в Бирке и взял за себя. Честь по чести взял, назвал женой. Нелюдимый кузнец чуть ли не впервые в жизни позвал гостей – на свадьбу. И был Эгиль, кажется, счастлив – два года, пока Мэйла не умерла студеной зимой. Кашляла, таяла, словно свечка, а как-то раз не проснулась на плач полуторагодовалого сынишки.

Нет бы ему, дураку, вызнать, какого они роду-племени, где Эгиль родился и как оказался в Винтерхейме... Вот и живи теперь сиротой, родства не знающим и не помнящим!

За спиной прошуршали легкие шаги, кузнец оглянулся. Красавица Мерет, гордая дочь Сигвата, стояла на берегу с охапкой хвороста. Нежные руки Мерет наверняка впервые собирали в лесу ветки. Торгрим с усилием проглотил подступивший к горлу комок.

Проводить старого кузнеца пришли все. Хоть и дружбы он ни с кем не водил, Эгиля любили. Старые хирдманны Рагнара с ним из одного котла ели в походах, за одним веслом сидели. Ярко пылало пламя, трещали дрова, дым ровным столбом поднимался в низкое серое небо. Торгрим стоял так близко, что жар опалил ему брови и ресницы. Силье утирала глаза, Гуннхильд вздыхала. Вспоминала, как в детстве Торвейг все свободное время проводила в кузнице и как она сама была недовольна дочерью. Да хоть бы она насовсем в той

кузнице поселилась, все лучше, чем берсеркой быть и в бой рваться. «А сама-то? – шепнул внутренний голос. – Сама, почитай, несколько лет по морям бегала». – «Бегала, – мысленно согласилась Гуннхильд. – Только все оттого, что хотела к Рагнару быть ближе. И еще чтобы замуж за немилого не идти. Вообще ни за кого не идти». Гуннхильд вспомнила, как впервые увидела Рагнара на торгу в Бирке, куда ее привез отец потешить. Увидела молодого викинга с глазами неистойвиной синевы – и пропала Гуннхильд, дочь Торварда. Вызав про Рагнара все что можно, Гуннхильд влюбилась еще сильнее. А когда отец запретил ей даже думать о безвестном воине, любовь Гуннхильд превратилась в одержимость. И длилась шесть долгих лет, отчаянная и безнадежная. А потом было великое счастье. Хотя почему – было? Есть. И еще два славных сына. И Торвейг. Берсерка. Вон, стоит с краю, в одной шерстяной рубашке, изрядно вылинявшей, рыжие волосы по ветру. За правым плечом – неразлучная финка, мерзнет, завернулась в подбитый мехом плащ. Как всегда, при виде Рансу Гуннхильд нахмурилась. Не любила она финку и не могла понять, почему вдруг Торвейг так сблизилась с пленницей. И еще не могла забыть, что берсеркой Торвейг стала, когда Рансу появилась у них во дворе. Может, колдовство? Гуннхильд слышала песню о дочери конунга, порченной злым чародейством: днем она была красавицей, а ночью превращалась в чудовище с головой жабы. Женщина потрясла головой, отгоняя жутковатое видение, потом снова взгля-

нула на дочь. Силье с Гуннхильд сами отобрали и отрядили трех толковых девок, чтобы те ни днем ни ночью глаз с Торвейг и Рансу не спускали. Доглядчицы старались, но ничего интересного не видели: Торвейг бросает топор, Торвейг бьется на бревне, Торвейг ушла на охоту с хирдманнами Рагнара, Рансу вышивает, Рансу ткет, вот ушли в лес, вот Рансу стирает с другими девушками...

А еще Гуннхильд казалось, что маленькая финка знает про нее нечто такое, чего она сама не знает. Бросит взгляд – и будто прозревает душу Гуннхильд до самого доньшка. Сталкивались они, понятно, нечасто, а с глазу на глаз и вовсе раз единый.

Случилось это, когда Гуннхильд впервые увидела дочь простоволосой и растрепанной. Властный окрик матери Торвейг пропустила мимо ушей и скрылась в конюшне. Тогда хозяйка Винтерхейма взялась за Рансу. Финка спокойно смотрела на разгневанную госпожу, глаз не прятала. Ответила, что да, так, мол, и так, теперь у Торвейг все по-другому будет. Потому как она берсерка и стоят за ней могучие боги. Тор-громовик, к примеру, стоит. Не зря же ей такое имя дали: Торвейг, посвященная Тору. Торвейг будет сражаться, а она, Рансу, ее хранить (здесь Гуннхильд насмешливо фыркнула). Колдовство? Да нет, какое там... колдовать она не выучилась, молода слишком. Но вот ради Торвейг сделает что угодно. Умрет, если нужно. И убьет – если уж иначе никак нельзя будет.

Раздосадованная, Гуннхильд прогнала финку прочь. Все, решительно все выходило не так, как она хотела!

Вечером к ней зашла Мерет. Взяла под руку, улыбнулась ласково:

– Что-то не так, матушка?

И Гуннхильд, дивясь самой себе, выложила девочке Сигвата, сестриной дочери, племяннице любимой, все свои тревоги: про отбившуюся от рук Торвейг, про то, что Рагнар и в ус себе не дует, смешно ему, толстокожему; про то, что девочку надо замуж выдавать, а не сватается никто, хоть и ярлова дочь; а пуще всего жаловалась на финку. Колдунья она, и все тут! С Рансу все началось, пока она не появилась – в Винтерхейме горя не знали!

Мерет взяла руку Гуннхильд в свои, поднесла к губам.

– Не печалься, матушка. Скажешь слово – и не будет финки больше.

– Как это? – распахнула глаза Гуннхильд.

– Есть... верные люди. У моего отца. Никто ничего не узнает.

Вот тогда Гуннхильд и подарила племяннице шитый мелким жемчугом красный суконный плащ.

Погребальный костер догорел, люди стали медленно расходиться. Олаф хлопнул Торгрима по плечу:

– Ты вот что... если надумаешь в викинги податься, мне скажи, ярлу словечко замолвлю. Бьешься ты крепко. Может, и возьмет.

– Мы точно возьмем, – с другой стороны подошел Вигмарр. Нет, Виглаф. – Когда у нас будет свой корабль.

– Когда у нас будет свой корабль, – встрял его брат, – я его поведу! И я буду решать, кого брать в хирд!

– Почему это ты? – поднял бровь Виглаф.

– Потому что на корабле только один вождь, и в хирде – тоже один. И это буду я! Ты не согласен, брат?

Виглаф не стал спорить. Вернется отец, тогда и поглядим, как он решит, а сейчас чего глотку без толку драть?

Потом подошли Торвейг и Рансу. Берсерка молчала, а финка взяла молодого кузнеца за руку и легонько ее сжала.

– Твой отец был хорошим человеком. Теперь он с богами. Хорошие люди везде нужны, во всех мирах.

– Тебе почем знать? – пробурчал Торгрим.

Финка не ответила. Торвейг стояла, глядя в землю. Похоже, злится. Но Торгриму было наплевать. Девушки не уходили. И чего ждут? Не до них сейчас!

Торгрим зашагал к кузнице не оглядываясь. Теперь он остался один.

Торвейг и Рансу побрели к сеннику. Финка внутренне сжалась, представив себе еще одну ночь в выстуженном сарае. К утру она, бывало, промерзала до костей, а Торвейг, похоже, холода не замечала. Рансу закутывалась в меховое одеяло и прижималась к теплой спине подруги, чтобы отогреться. Торвейг смеялась, смахивая утром сосульки со своих рыжих волос, а Рансу шмыгала носом и осторожно расти-

рала озябшие пальцы. Нет, надо идти в дом, зима на пороге.

Решили перебраться назавтра. Рансу накрылась с головой, прислушиваясь к ровному дыханию подруги, и почти согрелась, начала уже проваливаться в сон... и тут жесткая ладонь крепко зажала ей рот и нос, финка дернулась, но ее немедленно схватили двое мужчин, легко подняли и вынесли наружу. Третий одобрительно кивнул и забил Рансу в рот скомканную тряпку. Финке быстро связали руки и ноги, самый здоровый вскинул ее на спину, и похитители заспешили к лесу.

Дремавшая за поленницей девка в толстой шубе вскинулась, бросилась к сараю, готовая поднять тревогу, но увидела, что Торвейг спокойно спит. Погодив кричать, служанка помчалась будить Гуннхильд. И немало удивилась, когда госпожа, выслушав сбивчивый рассказ о том, как украли Рансу, приказала ей не мерзнуть больше и ложиться спать. Следить теперь не нужно.

Ночные гости бесшумно отходили к лесу. Все трое были без кольчуг – дело-то пустяковое для опытных воинов, но мечи на поясах носили. Скоро они скрылись за деревьями. Рансу продолжала биться, но силы стали ее оставлять, голова кружилась. Девушка попыталась запомнить путь, но разве разглядишь чего безлунной ночью, да еще болтаясь вниз головой? Впрочем, тот, что нес финку, сбавил шаг, задыхался тяжелее, остальные тоже приостановились. Спешить было некуда.

Торвейг проснулась резко, как от толчка. Одеяло Рансу валялось на полу. Девушка вышла как была, босиком, негромко позвала подругу, прислушалась, позвала громче. Ночь распадалась на множество звуков: шум ветра в голых ветках, фыркание лошадей в конюшне, из кузницы доносились частые удары молота. Торgrim не спит, работает. Финки не было видно. Торвейг встревожилась, завертела головой по сторонам. И сама не зная почему, двинулась со двора. Уже выйдя за частокол, Торвейг внезапно поняла, что не видела ни одной собаки – на ночь волкодавов спускали с цепей, и они свободно бегали по двору. И было еще в сыром холодном воздухе что-то такое... угрожающее и одновременно влекущее, смутное, внятное не разуму, а нутру. Торвейг не успела ничего понять, а ее глаза уже стали глазами могучего зверя, четыре лапы мягко спружинили о мерзлую землю со слежавшейся жухлой листвой, шерсть на мощном загривке встала дыбом. Рыжая медведица шла по следу.

Шагов через пятьсот (Рансу считала) ее бросили на землю. Трое мужчин стояли над ней и негромко переговаривались. Финка села, подтянув колени к груди, сжалась в комок. Один из воинов протянул к ней руку... И все трое услышали негромкое утробное рычание большого зверя.

– Это что? – выдохнул самый молодой, безусый еще парень со сломанным носом, не забыв, впрочем, обнажить клинок. – Собаки?

– Какие тебе собаки, дурень, – пробасил могучий бородач,

что нес Рансу. – Не было там собак...

Парень ничего не ответил. Не успел.

Ночная темень была прозрачна для глаз Торвейг в медвежьем обличье. Впрочем, она могла бы обойтись и без глаз, нюх безошибочно вел ее за теми, кто украл Рансу. И мечи в руках сильных мужчин ничуть ее не пугали. Стой Торвейг на двух ногах, она и то атаковала бы без раздумий, трое их там, пятеро или дюжина. Медведица прыгнула быстро и резко, ударила когтистой лапой, вспоров первому человеку живот, в ноздри ей ударил тяжелый, смертный запах крови и разорванных внутренностей. Второй успел увернуться – зубы оборотня щелкнули впустую, а третий накинудся сбоку, норовя вогнать меч зверю в ребра. Они все были охотниками, не раз и не два брали на копье диких зверей и, в общем, не слишком испугались неожиданного нападения. Только не сразу поняли, что сейчас медведица охотилась на людей.

Торвейг откатилась в сторону, встала на задние лапы, оказавшись на полторы головы выше небольшого мужчины. Вскинула голову к небу и испустила устрашающий рык.

Торгрим вышел во двор с ведром, намереваясь набрать воды. Молодому кузнецу не спалось, а теперь вот еще захотелось пить. У колодца Торгрим наступил на лежащую собаку, но та даже не пошевелилась. Кузнец наклонился, положил ладонь на теплый собачий бок. Нет, не сдохла, сердце бьется. Сторожевой пес спал. Пройдясь по двору, Торгрим нашел еще трех спящих собак.

Размышлять над диковиной было некогда, кузнец заметил открытые ворота. А потом и человека, что держался за тесаную створку. Тот сам его окликнул:

– Эй, кому по ночам не спится? Торгрим, ты?

Кузнец узнал Фроуда, молодого кормщика. Парень внимательно вглядывался в ночную тьму.

– Собаки-то, видел?

– Видел, – кивнул Торгрим.

– Слушай!

Кузнец честно прислушался, но холодная осенняя ночь ничем не отличалась от прочих ночей. Лес чернел в полтора-два шагах. И молчал.

Фроуд почесал в затылке, выдохнул, поправил ножны с мечом. В отличие от Торгрима, воин облачился в кольчугу и шлем, не позабыл и об оружии.

И вот тут оба услышали низкий медвежий рев и не колеблясь бросились в лес.

Уже на бегу Торгрим понял, что, в общем, он безоружен – не считая старого отцовского ножа с иззубренным, но еще острым лезвием. Будь кузнец опытным охотником-лесовиком, он бы и ночью распознал медвежьи следы. И, наверное, подумал бы дюжину раз, прежде чем бежать туда, куда сейчас несли его ноги. Фроуд, обремененный железом, пыхтел сзади.

Вот медведица крутанулась вокруг своей оси, отогнав взмахом лапы того, кто нацелился проткнуть ей брюхо, вот

сбила с ног второго, бородатого, навалилась сверху... Хрустнули ребра, изо рта пошла кровь, нелепо выброшенная в сторону рука с ножом разжалась. Человек с мечом побежал в лес, воспользовавшись тем, что зверь отвлекся... а там еще и связанная финка под деревом, легкая добыча. Рыжая медведица смотрела прямо на нее. Рансу, спутанная веревками, выпрямилась, глядя в глаза оборотню. Ей было очень страшно, но все же не так страшно, как в первый раз. Подруга успела вовремя.

– Торвейг... – тихонько позвала финка.

Медведица ощерила клыки, глядя на что-то за спиной Рансу. Финка обернулась и увидела Торгрима, застывшего в пяти шагах от нее с ножом в руке. Рядом с ним воин из Винтерхейма неторопливо вытянул из ножен клинок. Они не сводили взгляда с изготовившегося к атаке зверя.

– Торгрим, стойте! – крикнула Рансу.

Кузнец бросился к ней, взмахом ножа перерезал веревки на руках, оттолкнул девушку себе за спину. Рансу вынула меч из ладони мертвеца, освободила ноги, не сводя глаз с медведицы. Фроуд выдвинулся вперед, прикрыв Торгрима и финку. Огромный зверь когтил землю, но нападать вроде не собирался. Рансу тихонечко тронула Торгрима за рукав, давай, мол, уйдем. Кузнец понял и сделал шаг назад. Тем двоим уже не помочь, надо уходить.

Вдруг медведица прынула вперед, резко распрявилась, лапы со страшными когтями мелькнули в нескольких вершках

от лица Фроуда, и тот, повинувшись скорее инстинкту, чем разуму, с криком бросился на зверя, замахиваясь мечом.

Медведица взревела, замолотила лапами, отгоняя человека, а потом прыгнула еще раз, да с такой прытью, которой позавидовала бы и пятнистая рысь. Фроуда опрокинуло на землю, мокрая красная пасть сомкнулась на его горле, Торgrim рванулся вперед со своим ножом...

Если бы кузнец мог видеть то, что происходит у него за спиной, удивление его было бы безмерным: Рансу-финка двумя руками подняла меч и ударила Торгрима по голове тяжелой рукоятью. Но еще раньше он успел нанести два удара, и, кажется, один из них пришелся по правой медвежьей лапе. А потом зверь подмял его под себя, купол неба качнулся над верхушками деревьев, Торgrim провалился в милосердную тьму, ту, что темней самой безлунной ночи. В жесткую, прихваченную морозом траву его опустили уже женские руки.

Рансу и Торвейг, тяжело дыша, смотрели друг на друга. Финке казалось, что кожа подруги светится в темноте, а кровь на ее руке выглядела черной. Торвейг удивленно смотрела на длинный порез пониже локтя.

– Достал-таки. – Девушка удивленно покрутила головой.

– Как ты? – Рансу положила ладонь на щеку берсерки.

– Я хорошо. – Торвейг негромко рассмеялась, раскинула руки, запрокинула голову. Над поляной неслышно скользнула летучая мышь. Где-то заухал филин.

– Что-нибудь чувствуешь?

– Жизнь, – откликнулась подруга. – Чувствую жизнь, как кровь бежит по жилам, чувствую, какая я сильная. И быстрая. Я никого не боюсь! Видела, как я этих?

Похоже, берсерка не мерзла, стоя обнаженной и босой в лесу на исходе осени, а вот Рансу была дрожь.

– Кто эти люди? – робко спросила финка. – Ты не знаешь?

– Мертвые теперь, – снова рассмеялась Торвейг, потряхнув волосами. – Я никому не дам тебя в обиду.

Рансу впервые увидела, каким жестким может быть лицо подруги, как ее улыбка может походить на звериный оскал.

Потом Торвейг увидела Фроуда и улыбаться перестала. Она хорошо его знала. Не раз боролась с молодым кормщиком во дворе, бегала на лыжах, сидела за одним столом.

– Я защищалась, – тихо сказала она. – Так?

– Так, – твердо сказала Рансу. – Ты защищала себя и меня. А Торgrim жив.

Торвейг немного посидела, повесив рыжую голову. Финка умостила на корточках рядом, не жалуясь на холод, что пробирал до костей.

– Значит, так тому и быть, – не очень ясно сказала берсерка, встала, опершись руками о голые колени.

Девушки осмотрели убитых чужаков. Торвейг забрала их мечи и пояса, сетуя, что одежда испорчена и замарана кровью. Финка взяла тяжелый плащ и накрыла Фроуда. Разорванное горло, остановившийся взгляд. Тело кормщика было еще теплым, к утру заоченеет.

У молодого парня на шее обнаружился медный крестик на кожаном шнурке, а в кошеле – несколько монет. Торвейг попробовала каждую на зуб и убедилась – золотые. Забрала себе. Добыча как-никак, да и немалая. Первая добыча. А что с бою взято – то свято.

Торвейг сняла рубашку с Торгрима – не идти же голой через лес. Вздохнув, приподняла бесчувственного парня, усадила под деревом. Рансу предложила накидать сверху лапника, чтобы кузнец не замерз, Торвейг не хотелось возиться. Торгрима небрежно прикрыли окровавленной теплой накидкой.

– Да он очнется скоро!

– А вдруг не скоро? Или вернется этот... третий? Их же трое было.

– Ты бы вернулась? – усмехнулась берсерка.

– Только если жизнь не мила, – согласно кивнула Рансу. – И все же кто это? И зачем хотели меня украсть?

– Чужаки, – нахмурилась Торвейг. – Я никогда их не видела. Судить по оружию, так воины, не трэли и не охотники. А впрочем... их же найдут завтра. Может, кто признает.

Подумав, Торвейг вложила одну монету в руку Торгрима. И нож его нашла, вытерла и воткнула в землю рядом. Воину не пристало красть. Рансу перевязала подруге руку, предварительно что-то прошептав над раной и три раза обведя ее противосолонь острием Торгримова ножа.

На рассвете девушки тихонько пробрались в общий дом,

расстелили свои одеяла на лавках и заснули. Рансу улыбалась во сне – маленькой финке наконец-то было тепло.

Глава 2

Девка-прислужница по имени Эрна не зря пользовалась доверием Гуннхильд и Силье. Была она работящей, умелой и смышленной. И красивой: круглолицая, с ясными глазами и длинной русой косой, полнотелая, крепкая. Близнецы Рагнарссоны не брезговали делить с ней ложе, а Виглаф раз подарил Эрне парные медные браслеты. Правда, Эрна их нечасто надевала, чтобы другие рабыни не завидовали, но втайне очень гордилась. Эрна прислуживала за столом, смотрела за приготовлением пищи для воинов Рагнара, варила пиво, делала скир. Эрна была уверена, что хозяйка подберет для нее хорошего мужа, может быть, даже из свободных. К примеру, Торгрима-кузнеца, на которого девушка давно заглядывалась. Нравились ей широкие плечи и сильные руки Торгрима – такой уж обнимет, так обнимет...

Именно Эрна следила за Торвейг этой ночью, примчалась к Гуннхильд с вестью о похищении финки и получила приказ идти спать, никому ничего не рассказывать. Эрна так и сделала – улеглась на полати, но заснуть не смогла, села у окна. Видела, как Торгрим подошел к колодцу. Видела, как он ушел со двора. Видела, как вернулись Торвейг и Рансу, а Торгрим – не вернулся. И еще видела, как Торвейг занесла в конюшню какой-то сверток, а вышла с пустыми руками. Когда подруги прокрались в дом, приглядчивая Эрна заметила,

что на Торвейг надета одна лишь длинная рубаха, по виду судить – мужская. Ну да это ничего, к странностям берсерки привыкли все, кроме ее матери. А когда Торвейг уснула, подложив руку под голову, и широкий рукав съехал вниз, Эрна, подойдя ближе, увидела повязку на правой руке девушки. И узнала рубашку кузнеца. Еще бы ей было не узнать эту рубашку, когда Эрна своей рукой расшивала ворот, рукава и подол... Торgrim тогда от подарка не отказался, а через несколько дней отдался – Эрна получила красивый пояс из переплетенных полосок кожи.

Закрыв рот рукой, девушка отшатнулась. Что делать? Снова бежать к Гуннхильд? Финка ладно, но вот рана на руке дочери определенно заинтересует госпожу. И еще заинтересует, мстительно подумала Эрна, откуда это Торвейг возвращается под утро нагая, одетая в Торgrimову рубашку.

Или повременить? Серый осенний рассвет только занялся, даже петухи в птичнике не проснулись. Эрна накинула старую шубу и пошла во двор.

Рансу открыла глаза, как только дверь общего дома закрылась за Эрной. Развела огонь в очаге (вот уж спасибо скажутстряпухи), растолкала Торвейг и стащила с нее рубашку. Порезала на мелкие клочки своим костяным ножом, да и спалила в жарком пламени.

Эрна тоже не теряла времени даром – нашла добычу берсерки. Сверток с мечами и поясами Торвейг закинула в коношню, в стойло к своему Серому. Эрна, опасливо косясь

на сонного жеребца, развернула кусок чужого плаща, чуть выдвинула из ножен меч, заглянула в кошель, повертела в руках золотые монеты... и сложила все на место. Следовало поразмыслить. И дожждаться Торгрима.

Утром Гуннхильд с нескрываемой досадой обнаружила, что Рансу-финка никуда не делась. Сидит на скамье рядом с Торвейг, в очередь черпает из миски кашу с треской, глаз не поднимает. Аккуратный узел волос на затылке, чисто умытое лицо. Торвейг тоже – внезапно – заплела косы и надела платье, под глазами, правда, синие круги, сама бледная и правую руку вроде как бережет... Глаз у Гуннхильд острый. Побил кто?

Пришла Мерет и даже споткнулась, увидев Рансу. Гуннхильд вопросительно подняла брови: что такое? Оплошали твоего отца люди? Не справились с девчонкой? Она была очень зла на племянницу. Та огорченно поджала губы, не сводя глаз с маленькой финки. Чистый лоб Мерет прорезала морщина – девушка силилась понять, что произошло в лесу этой ночью.

Силье успокаивающе положила ладонь на руку Гуннхильд.

– Что-то не так?

Хозяйка Винтерхейма мотнула головой, как норовистая лошадь, отстань, мол. Похоже, от этой финки так просто не избавиться.

Занимаясь привычной работой, Эрна нет-нет да и погля-

дывала во двор. Потом отрядила мальчонку Фриты, шестилетнего огольца, ждать Торгрима у кузницы, посулив тому горбушку свежего хлеба. Терпение ее было вознаграждено – через пару часов парнишка примчался с вестью, что Торгрим вернулся.

Выглядел молодой кузнец плохо. Бледный, волосы на затылке в крови. Эрна принесла ему миску с горячей кашей и теплое пиво. Когда Торгрим поел, заговорила. Рассказала ему все без утайки. Особенно про спрятанное в стойле.

Кузнец слушал внимательно, даже в лице изменился. Морщась, ощупал затылок.

– На какой руке, говоришь, у нее рана? На правой?

– На правой, – подтвердила Эрна. И предложила заботливо: – Давай перевяжу голову!

– Успеется, – буркнул Торгрим, болезненно кривясь. – Покажешь, чего в конюшне нашла?

Убедившись, что золотая монета, которую он принес из леса, точно такая же, что лежат в кошеле, спрятанном Торвейг, Торгрим крепко задумался. Эрна обещала покамест никому ничего не говорить, если, конечно, Гуннхильд не спросит. Или Виглаф. Врать госпоже Эрна не хотела, а Виглафу... Виглафу не могла.

Вот, казалось бы, близнецы, их, случалось, даже Силье путала (Эрна никогда), а такие разные, прямо как день и ночь. Вигмарр, когда брал Эрну, даже в лицо ей не смотрел, грубо прижимал к стене, задирали платье, наматывал косу на кулак.

Случалось, даже бил. И каждый раз на белой коже Эрны темнели синяки от его пальцев. Девушка терпела без звука, пытаясь не плакать, по крайней мере, при Вигмарре, и синяки старалась никому не показывать. Но Вигмарру лишний раз на глаза не попадалась.

Иное дело – Виглаф. Одно время Эрна даже мечтала подольше быть его соложницей, родить детей, может быть, Виглаф их даже признает. А нет – невелика беда, родить от такого все равно большая удача. Эрне нравился Виглаф, ей было с ним хорошо. Иногда они даже разговаривали. Как-то летней короткой ночью девушка робко спросила, можно ли, когда Виглаф женится, остаться при нем? Уж она стараться будет, и за детьми ходить, и по хозяйству помогать...

Виглаф рассмеялся тогда:

– У меня, Эрна, такая жена будет, что другие ни к чему. А ты своим домом заживешь, мужа найдешь, своих детей родишь.

И вроде по-доброму сказал Виглаф, хорошо так сказал, но Эрну все же немного задело, что он легко от нее отказался. Хотя и так все завидуют, что она с ярловыми сыновьями спит. Гуннхильд, понятное дело, сразу же донесли (наверняка толстуха Брюнья постаралась, корова недоенная, эта на Рагнарссонов все глаза проглядела), но госпожа не прогневалась, только Эрну осмотрела. И стала выделять ее из прочих рабынь.

– Уже и невеста есть? – спросила и тут же испуганно сжа-

лась. Вдруг разозлится Виглаф? Но Виглаф – это не Вигмарр, яриться не стал. Потрепал Эрну по щеке, улыбнулся.

– Есть. Я на Мерет женюсь. На дочери Сигвата.

– Мерет очень красивая, – преданно сказала Эрна. – Как сама Фрейя.

– Куда там Фрейе, – серьезно сказал сын Рагнара. – Краше Мерет никого и нет.

Помолчали.

– Ты тоже красивая. – Виглаф опрокинул ее на себя, сдул упавшие ему на лицо волосы, поцеловал в губы, прижал к груди. Им вместе было хорошо.

А потом Эрне понравился Торгрим. Она помнила его щуплым белоголовым мальчишкой, постоянно измазанным углем и копотью. Сын кузнеца как-то незаметно вырос, раздался в плечах, девчонки стали на него смотреть. Умная Эрна поняла: надо действовать. Видимо, соложницей Виглафа стать не получится. Да, она рабыня и дочь рабыни, ну так и мать Торгрима его отец на рабском торгу купил, и что с того? Кто сейчас об этом вспомнит?

Гуннхильд ждала гостей. Первым приехал Сигват-ярл, сосед и друг. Как всегда, с подарками для Гуннхильд, Рагнара, близнецов, Торвейг и даже Силье. Как всегда, сказал, что Гуннхильд ничуть не изменилась, годы прошли, а она все та же юная красавица, в которую Сигват некогда влюбился. Гуннхильд было приятно это слышать. Правду молвить, не

так уж и не прав был Сигват. Да, хозяйка Винтерхейма располнела станом, да и прежней легкости в движениях уж нет, но по-прежнему густы и черны ее волосы, ясны глаза, а руки у Гуннхильд еще нежнее и белее, чем двадцать лет назад. В этот раз Сигват привез супруге Рагнара чудесный сундук, отделанный перламутром и жемчугом.

Сам ярл отрастил немаленькое брюхо, а вот волос у него поубавилось. И то сказать, где это видано, чтобы богатый купец был строен, как яшень?

Сигват овдовел давно, но жениться не спешил. Хотел сначала выдать замуж старших своих девчонок.

Они с Гуннхильд стояли во дворе, держа в руках кружки с горячим и пряным медовым напитком. Сигват с удовольствием отхлебнул, вытер губы, устремив взгляд на воинов, что рубились, стоя на бревнах.

– Эх, славно бьется! – Сигват мотнул густой кудрявой бородой. – Не Вигмарр ли? Отсюда не видать.

Гуннхильд не нужно было приглядываться.

– Это не Вигмарр, – вздохнула женщина и нахмурилась. – Это его сестра.

Сигват ошеломленно моргнул. Торвейг как раз снесла своего противника с бревна, тот неловко упал на бок, вокруг захохотали, но на место сбитого лезть никто не торопился. Гуннхильд знала: сейчас против Торвейг встанет кто-то из братьев. Либо Торgrim-кузнец.

– Я, признаться, думал, люди врут про твою дочь. Теперь

вижу – настоящая валькирия растет. Как ты была некогда.

– Пойдем в дом, – раздосадованно бросила хозяйка. Холодный осенний день стал как будто еще холоднее.

Совсем скоро соберутся добрые друзья, славные мужи со славными сыновьями. Будет пир, богатый и обильный. За одним столом Гуннхильд будет подносить гостям полные кубки, слушать песни и вести беседы. А за другим хозяйкой станет ее дочь. Торвейг сядет во главе стола, за которым будут юноши и девушки ее возраста. Все увидят, что дочь Рагнара недурна собой, добра и мила, а речи ее разумны. К такой и посвататься не грех. А если самой Торвейг понравится кто-то из парней, так это еще лучше будет.

Со дня на день приедут Хродмар с Кетилем, одноглазый Уни привезет с собой двоих сыновей: Траусти и Скули. Приедет Хальфдан Лосось, старый друг Рагнара, что нынче держит руку могучего гардского вождя Валдамара. Звал и Рагнара – конунг русов хоть и молод, но храбр и удачлив. Говорят, отдали за него ромейскую кесаревну... Это ж сколько удачи надо иметь, сколько золота и воинов, чтобы надменные заморские властители согласились на такой союз?

Рагнар отказался тогда, хоть Хальфдан и сулил богатую добычу, расхваливая доблесть и щедрость Валдамара. Вигмарр с Виглафом – те хоть сейчас готовы были сорваться в Гардарику, Гуннхильд видела это по горящим глазам сыновей. А Рагнар задумался. Может, вспомнил ту гардскую девчонку, что явилась из-за моря мстить за убитого брата и чуть

было не отправила Рагнара на тот свет. Гуннхильд так сразу ее вспомнила. Интересно, живая сейчас? Как ее звали? Теперь уже не вспомнить.

У Хальфдана три сына, но двое старших женаты, а у младшего, Эльвира, одна рука сухая, таким родился. Год был голодный тогда. Но люди прозвали Эльвира Веселым, и не зря: у того всегда наготове и острое словцо, и забавная шутка. Эльвир тоже приедет с двумя своими сестрами, Хревной и Эрлой, но дочерей Хальфдана даже самый восторженный скальд не назвал бы красавицами. Разве что упившись хмельным пивом.

Иное дело Мерет. Гуннхильд любила свою племянницу, но... Торвейг сложно будет оставаться в центре внимания, если за стол сядет Мерет. И ведь не скажешь дочери Сигвата: не ходи, мол, на пир. Обида будет, Мерет ее не заслужила.

Еще зван был Атли Камнелом, воин из Хердаланда. Атли уже катило к сорока, он дважды овдовел и в женихи Торвейг точно не годился. Но Атли в молодости называли берсерком: он шел в битву голым по пояс, ворочал страшным боевым молотом, в одиночку греб тяжелым веслом. Стоя в толпе, Атли мог смотреть поверх голов рослых мужчин. Сотни людей видели, как на торгу он в гневе поднял над головой камень размером с корову и швырнул в обидчика. Камень тот развалился надвое. А еще отец Атли был дружен с самим конунгом.

Так пусть посмотрят все на Атли Берсерка, о котором сложили легенды. Атли огромного роста, заросший волосами, с грубым голосом, способен осушить бочонок пива и умять в один присест жареного поросенка или телячью ногу. Но в груди его стучит обычное человеческое сердце, а по жилам бежит кровь. И Торвейг тоже ничем не отличается от прочих девушек. И как всем девушкам на свете, Торвейг нужен хороший муж. Гуннхильд была полна решимости устроить судьбу дочери, даром, что ли, сама в девках просидела до двадцати пяти лет.

Кого Гуннхильд искренне рада была видеть, так это Оттара. Она хорошо помнила, как он помог ей добиться желанного замужества, Гуннхильд умела помнить добро. Она знала, что Оттар заменил Рагнару отца. И была уверена, что на этого человека можно положиться во всем и всегда. Опять же, с Оттаром приедет Стюр из Бирки, богатый купец, чьи пузатые кнорры везут чуть ли не во все концы света мед, пушнину, янтарь, кожу и другие товары, что оборачиваются полновесными монетами в кошельках. Стюра позвал Сигват-ярл, у них давняя дружба и общие торговые интересы. Вместе со Стюром из Бирки едет его молодой сын, Сигбьерн Левша.

Что ж, гостей в Винтерхейме принимать умеют и любят. На обоих столах будет вдоволь и свежего хлеба, и лепешек, и каши, вяленой трески, копченых и пареных угрей, лосося, зубатки. Будут овощи, заботливо сохраняемые в обширных кладовых, ягоды в меду, дикие сливы. Будут куропатки

и оленина, утки и зайцы. Будет, наконец, славный кабанчик, которого охотники добыли третьего дня. Будет свежее пиво, скир и сладкий мед, который так хорошо пить из больших кружек. От этого коварного меда, готовить который Силье была великая мастерица, даже у крепких мужчин руки-ноги делаются как не свои. Впрочем, молодежи придется довольствоваться пивом.

Позаботилась Гуннхильд и о том, чтобы было кому сложить песни об этом пире. Два брата-скальда, Синдри и Дюри, не раз ходили в походы с Рагнаром и не раз воспевали его отвагу. Двери Винтерхейма всегда были открыты для них.

Когда Торвейг, как обычно встрепанная, вместе с маленькой финкой – конечно, куда же без нее! – предстала перед строгим материнским взором, Гуннхильд пребывала в прекрасном настроении. Только что заходила Мерет и, потупив глаза, попросила позволения сидеть на пиру вместе с отцом. Гуннхильд ласково потрепала ее по щеке и сказала, что племянница в своей воле, не забыв, впрочем, мысленно вознести благодарность Фрейе.

Все же Торвейг очень высока для девушки. За последний год выросла чуть ли не на голову, почти с отца ростом стала. Хорошо, что Гуннхильд, предвидя подобное, загодя приготовила для дочери новое платье, расшитое серебряными нитями. Яркий зеленый цвет чудесно пойдет рыжеволосой Торвейг с ее темным румянцем и загорелым лицом. Можно дать ей золотые браслеты и пару брошей с самоцветами.

ми. И пусть наденет несколько цепочек – для особого случая нужно и выглядеть по-особенному. Все должны видеть и понимать, что к Торвейг незазорно посвататься любому ярлу. Финку тоже придется приодеть, коль уж за столом будет. Вряд ли Торвейг согласится расстаться с подругой.

Платье село как надо, Гуннхильд осталась довольна. Хмурая Торвейг застегнула пояс, подобрала волосы. Рансу похвалила наряд. Расщедрившись, хозяйка вынула из сундука собственное платье, что носила несколько лет назад. Для худенькой финки в самый раз. Добрая красно-коричневая шерсть, тонкая и мягкая. Рансу приняла с поклоном.

– И вот еще. – Гуннхильд протянула Рансу толстый серебряный браслет. – Только не потеряй.

– Прости, госпожа моя, – снова поклонилась финка. – Я не буду носить железо.

Гуннхильд с огромным трудом усмирила поднявшийся в груди гнев. Ей так хотелось вклепить затрещину наглой девке, что руки зачесались сами собой. Женщина спрятала их за спину, сплела пальцы. Она была уверена, что оплеуха, назначенная финке, придется в подставленную ладонь Торвейг. Нет, ну где это видано?! Рабыню, взятую в походе, сажают за стол не просто со свободными – с самыми лучшими и достойными молодыми людьми, ярлова дочь дарит ее своей дружбой, а хозяйка Винтерхейма предлагает наряд на пир! Да другая бы рассыпалась в благодарностях и на колени пала, а эта... Смотрит спокойно, склонив голову к левому плечу,

и нет ей печали. Все потому, что Торвейг за нее.

– Это еще почему? – свела брови Гуннхильд. – Ты что же, желаешь золото носить?

– Нет-нет, – улыбнулась Рансу, – мне не нужно ни золота, ни серебра. Ни меди. Мне вообще не нужно украшений, особенно тех, что сделали люди из металла. Я хочу слышать духов, а они не любят, когда металл. Даже самый дорогой.

Очередным могучим усилием воли Гуннхильд удержалась от того, чтобы вытолкнуть неблагодарную финку взашей. Нехотя достала из кованого ларца янтарные бусы в два ряда, Сигват как-то подарил, купил в Бирке у эстов. Красивые, но Гуннхильд не любила янтарь.

– Подойдет? Или опять нет?

– Подойдет. – Рансу снова улыбнулась. – Я не потеряю. И заплету Торвейг волосы, как никто здесь не умеет.

– Добро. – Хозяйка сменила гнев на милость. – И вот вам краска, глаза, что ли, подведите.

В те несколько дней, что вместили в себя подготовку к пиру, Эрна не знала покоя. Вместе с Силье они проверяли припасы, следили за тем, как взбивается масло и варится пиво. Опрометчиво выбежав из дома в одном платье, Эрна простудилась, и теперь у нее горели щеки и лоб. Осторожно неся в руках яйца из птичника, девушка повстречала Мерет. Та явно ждала ее, держа в руках большой глиняный кувшин с орнаментом, должно быть, тяжелый.

Эрна поставила яйца, распрямилась, выдохнув облачко

пара в холодный воздух. Мерет тоже опустила кувшин на утопанную землю. Глаза ее сияли из-под лисьего меха. Эр-на вздохнула, глядя в прекрасное лицо невесты Виглафа. Да чего уж там, повезло ему. Краше девы не было на севере, а может, и во всем свете не было. Только и Мерет повезло то-же! Виглаф славный воин, хоть и молод, он щедрый и доб-рый. И собой хорош на загляденье.

Мерет так внимательно смотрела на Эрну, что ей стало не по себе. Девушка словно взглянула на себя со стороны, отметив обветренные губы, покрасневшие от холода руки, грубую кожу, поношенное платье и растоптанные поршни. Тем не менее Эрна прямо смотрела на дочь Сигвата, глаз не прятала.

– Так это ты, красавица, – мелодично проговорила Ме-рет, – делишь ложе с моим женихом?

Точно, Брюнья, проклятая толстая корова, донесла. Хо-тя... не будет же Мерет отгонять от Виглафа всех девок? Или будет?

– Я, – сказала Эрна. – Иногда.

– И что, нравится тебе? – спросила Мерет.

Эрну бросило в жар. Она была скрытной, редко болтала с подругами, не участвовала в обсуждениях того или другого парня, не жаловалась и не делилась секретами. А еще Эрна не любила и не хотела врать.

– Нравится...

Ну не ударит же ее сейчас Мерет по голове этим кувши-

ном, ведь так?

– А ты смелая, Эрна, – смех Мерет прозвучал серебряным колокольчиком, – и умная, правда? Хочешь и дальше быть при Виглафе?

– Хочу, – призналась Эрна. А чего ей было терять?

– Тогда слушай. – Зеленый колдовской взгляд Мерет стал пристальным. – Хочу, чтобы ты мне одну службу сослужила. Справишься – я тебя награжу. И возьму в свой дом, когда выйду замуж за Виглафа. Ты не бойся, слово мое крепкое.

– Что нужно делать? – облизнув пересохшие губы, спросила Эрна.

Задание оказалось пустяковым. Мерет не будет сидеть за столом вместе с Торвейг и юношами, один из которых может стать ее женихом, да ей это, в общем, не нужно. В кувшине сладкое и пряное ромейское вино, которое Сигват-ярл привез из дальних стран. Эрне следует лишь проследить, чтобы подарок Мерет оказался на столе и чтобы чаши гостей не пустовали.

– Там точно вино? – усомнилась рабыня.

– Точно, – заверила ее Мерет. – Когда будешь открывать, попробуй, оно вкусное. Хочешь, выпей сама чашу. Мой отец преподнес матушке целый бочонок такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.